«Антиколокольная» кампания

Антирелигиозная политика Советского государства, помимо собственно политических целей, имела ярко выраженный экономический подтекст. Начиная с декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», новая власть последовательно и настойчиво предпринимала шаги по секуляризации церковной собственности, изъятию храмовых ценностей, ликвидации религиозных общин и культовых сооружений.

Отдельную страницу в истории давления на церковь занимают кампании по изъятию и уничтожению культового имущества. Наряду с конфискацией ценностей, икон, элиминации подверглись и такие специфичные богослужебные предметы, как колокола.

После Гражданской войны в условиях экономической разрухи, падения промышленного производства, упадка рынка цветных металлов колокольная бронза стала предметом особого спроса. Государственные организации и частные предприниматели, ввиду высокой рентабельности цветного лома, оказались экономически заинтересованы в сборе и переработке колоколов, в том числе и для сбыта за рубеж.

Продажа церковных колоколов официально была разрешена Декретом СНК РСФСР от 19 сентября 1923 г. «О порядке реализации церковных имуществ обиходного характера»[1]. Комиссиям губернских и областных экономических советов предоставлялось право реализации колоколов, поступавших в ведение местных государственных органов из

EV_1_08.indb 77 13.05.2008 12:20:25

ликвидированных монастырей и церквей. Исследователь А. А. Козлов отмечал, что до 1925 г. комиссии этим правом пользовались «не слишком активно, и музейный отдел (Главнауки Наркомпроса РСФСР. — *Р. Х.*) не проявлял никакого беспокойства о судьбе колоколов, многие из которых имели значительную культурную ценность»[2].

Последнюю мысль подтверждают факты из экспертной деятельности сотрудников Казанского подотдела Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников. Так, в ноябре 1919 г. местный Совет народного хозяйства обратился в подотдел с просьбой дать заключение об исторической ценности колоколов, находящихся на артиллерийском складе в Адмиралтейской слободе г. Казани под контролем Губметалла. Эти колокола были эвакуированы во время Первой мировой войны из оккупированных территорий Польши, Литвы, Белоруссии.

Ввиду многочисленных обращений различных церковных приходов Казанской епархии об использовании колоколов в богослужебной практике, Совнархоз, по представлению руководителя Казанского подотдела Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников профессора Б. Ф. Адлера, поручил проведение соответствующей экспертизы члену подотдела церковному историку К. В. Харламповичу[3]. Он подготовил два заключения о колоколах, привезенных в 1915 г. из Западной России и предполагавшихся к передаче в церкви Плетеневской слободы в Казани и с. Тогашева Казанского уезда[4]. Однако через несколько лет ситуация резко ухудшилась. Членам музейного отдела в 1923 г. уже с трудом удалось отстоять «в интересах науки» от реализации госфондовой комиссией два колокола чебоксарского литья из ликвидированной Крестовоздвиженской церкви при Казанском университете[5].

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. в рамках «антиколокольной» кампании государством была развернута широкомасштабная деятельность по снятию и переплавке колоколов[6]. Используя в качестве повода острую потребность в сырье возрождающейся промышленности, партийные, советские и хозяйственные органы осуществляли варварское изъятие имущества ликвидируемых церквей и монастырей.

На местах работу по снятию колоколов проводили советские и хозяйственные органы и представители государственного объединения «Металлторг», созданного в 1922 г. Через год оно было реорганизовано в акционерное общество по торговле рудой, металлами, минералами и металлическим ломом «Рудметаллторг», в состав учредителей которого вошли наркомат внешней торговли и металлургические тресты Металлосиндикат, Уралмет, Югосталь, Госпромцветмет и др. Рудметаллторгу разрешалось покупать и продавать в России и за границей, за свой счет и на комиссионных условиях металлический лом, открывать оптовые склады и представительства[7].

В июле 1925 г. по инициативе Ф. Э. Дзержинского при Президиуме ВСНХ СССР образуется Комиссия по созданию специального фонда по финансированию металлургии цветных металлов. Основная ее функция заключалась в изъятии у государственных учреждений отходов цветных металлов. Вырученные средства от их реализации шли на развитие металлургической промышленности. Положение о Комцветфонде не предусматривало никаких исключений для старинных памятников русского литейного искусства, что создавало реальную угрозу переплавки уникальных колоколов[8]. Органы охраны памятников пытались внести изменения в текст положения, однако и в последующих уставных документах фонда мнение Главнауки Наркомпроса РСФСР не было учтено.

Согласно решению СНК РСФСР, подписанному заместителем председателя правительства А. Д. Цюрупой 2 марта 1924 г., Главнауке разрешалось 60 % от сумм, вырученных от реализации госфондов немузейного значения, направлять на содержание, ремонт и охрану исторических памятников. Остальные 40 % подлежали перечислению в государственный бюджет по доходной статье[9].

EV_1_08.indb 78 13.05.2008 12:20:25

Постановление СНК РСФСР от 7 апреля 1925 г. давало Главнауке право сосредоточить все суммы, отчисляемые в размере 60 % от реализации госфондов немузейного значения, для того, чтобы «расходование названных сумм на содержание, ремонт и охрану исторических памятников производилось в общем порядке, утвержденном для расходования специальных средств»[10].

Согласно инструкции наркомпроса и Комиссии Экономического совета при СНК (КомЭКОСО) РСФСР по госфондам «О порядке учета и реализации музейными учреждениями ненужного и ветхого имущества, а также госфондов немузейного значения» от 13 января 1926 г. под последними подразумевалось имущество немузейного значения, находящееся в упомянутых учреждениях, но не входящее в состав коллекций и не относящееся к музейному оборудованию[11]. Таким образом, государство в лице наркоматов экономически стимулировало процесс закрытия культовых зданий с последующей реализацией церковного имущества.

Госфондовые комиссии в центре и на местах в массовом порядке приступили к выявлению и конфискации колоколов ликвидированных монастырей и церквей. Их заинтересованность в изъятии этих предметов из ведения музейных учреждений заключалась в том, что после реализации имущества немузейного значения 40 % от вырученных средств оставались в распоряжении самих комиссий.

В Татарстане сотрудники музейного отдела предпринимали отчаянные попытки отстоять памятники литейного искусства, ссылаясь на нормативные документы, разработанные Главнаукой. Вместе с тем центральный музейный орган под непрекращающимся давлением постепенно сдавал свои позиции. Началом широкомасштабной «антиколокольной» кампании в республике следует считать весну 1925 г.

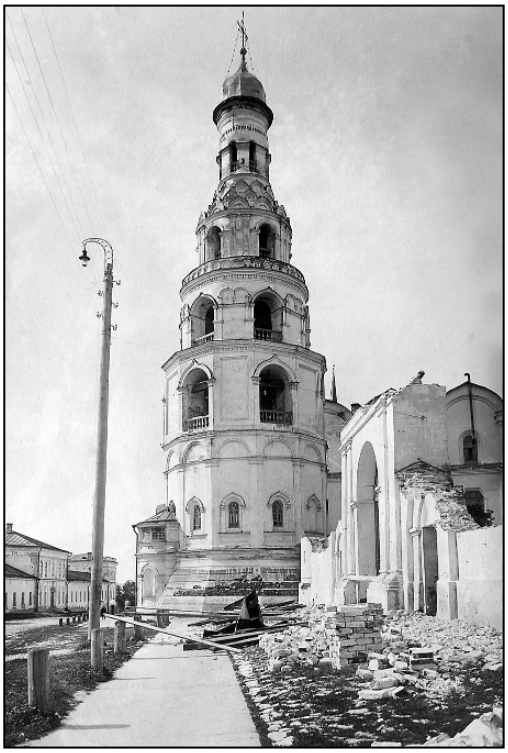
16 апреля 1925 г. распоряжением Комиссии по учету и реализации госфондов при Наркомате финансов ТАССР Рудметаллторгу были переданы колокола закрытого Свияжского Успенского Богородицкого мужского монастыря. 23 апреля комиссия в составе инспектора госдоходов при отделении местных финансов Свияжского канткома Колосова, представителей канткома Иванова, краевого исполнительного комитета Соловьева, Казанского отделения Рудметаллторга Малиевского и заведующей Свияжским музеем Т. И. Архаровой-Денисовой составила акт о предварительной сдаче колокольной бронзы.

В соответствии с документом три из тринадцати колоколов, имеющих историческую и художественную ценность, были переданы Свияжскому музею. Один из них (30 пудов) представлял собой образец литья середины XVI в., второй колокол (160 пудов) — образец последней четверти XVII в., а третий (170 пудов) являлся даром императрицы Анны Иоанновны. Другие колокола были оставлены для хранения на месте до определения точного веса «при разбитии и перевески их представителями Рудметаллторга»[12].

Заведующая Свияжским музеем Т. И. Архарова-Денисова срочно уведомила о результатах работы комиссии музейный отдел Академического центра Татнаркомпроса и просила дать рекомендации на случай предстоящего снятия колоколов. Отдел 29 апреля 1925 г. отверг вариант разборки церковных стен при изъятии колоколов, «если, конечно, такая разборка не имела места прежде»[13]. Отдел рекомендовал не проводить разбор стены колокольни Никольской церкви до обсуждения вопроса особой комиссией[14].

В работе комиссии приняли участие заведующий отделом госфондов в Татнаркомфине Васильев и заведующий столом регистрации обществ ТатНКВД Сметанин. Целью совещания стала выработка согласованного порядка по ликвидации церковных ценностей и учету мнения органов охраны памятников. В своем выступлении председатель музейного отдела В. В. Егерев, отметив основные законодательные положения в сфере охраны наследия и ликвидации церковного имущества, указал на ряд противоречий в действиях органов наркомпроса, наркомата внутренних дел и наркомфина республики и предложил

EV_1_08.indb 79 13.05.2008 12:20:25

Разрушение колокольни Благовещенского собора. 1930-е гг. Из личного архива автора.

выработать единые принципы по ликвидации церковного имущества в Казани и в кантонах.

Представители наркомфина и НКВД сообщили об активизации в республике деятельности по ликвидации церквей и монастырей. Первоначально намечалось проведение учета всего имущества упраздняемых культовых зданий. В ходе совещания было достигнуто соглашение, что ликвидация церковного имущества закрытых храмов будет проходить при непосредственном участии музейного отдела. Предполагалось, что НКВД будет предупреждать отдел о предстоящих ликвидациях за десять дней до начала работ в кантонах и за три дня в Казани. Специально оговаривалось, что кантонные заведующие музеями не являются полномочными представителями отдела без получения ими особых мандатов от Академического центра Татнаркомпроса. В случае возникновения спорных вопросов в отношении исторической или художественной значимости памятников, на момент ликвидации имущества, стороны договорились о проведении совместных совещаний с участием представителей всех ведомств[15].

Как видим, отдел пытался упорядочить систему изъятий с тем, чтобы минимизировать последствия от разрушения ценных исторических реликвий и максимально сохранить в сложившихся условиях объекты культурного наследия. К сожалению, последующие события свидетельствуют о фактах все возрастающего давления на органы охраны памятников и игнорировании мнения и рекомендаций музейных специалистов.

Особенно обострились взаимоотношения отдела с республиканской комиссией по госфондам. В марте 1926 г. В. В. Егерев вынужден был обратиться в музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР с просьбой разрешить конфликт, тормозящий, по его мнению, «без того трудно налаживаемую работу по охране памятников»[16]. Выход из создавшегося положения председатель отдела видел в согласовании позиции Главнауки с КомЭКОСО РСФСР по госфондам по принципиальным вопросам взаимодействия их региональных органов.

Музейный отдел указал на варварское отношение комиссии по госфондам к архитектурным памятникам в процессе изъятия колоколов, прямое отступление от правительственных распоряжений в сфере охраны наследия и ликвидации церковного имущества. Так, комиссией были нарушены достигнутые соглашения о совместном порядке обследования и передачи колоколов. В итоге колокола, оставленные по акту в ведении отдела в Свияжске, были самовольно сняты, разбиты и увезены. Без разрешения музейного отдела были существенно повреждены конструкции крыши Гостинодворской церкви в Казани[17], пробиты проемы в колокольне Спасо-Преображенского монастыря. Колокольня Никольской церкви XVI-XVII вв. в Свияжске при снятии колоколов была частично разрушена, разбит колокол XVIII в.[18]

Повреждения памятников, несмотря на неоднократные требования отдела, не исправлялись[19]. Комиссия по госфондам в течение года оправдывала свое бездействие ссылкой на организации,

EV_1_08.indb 80 13.05.2008 12:20:25

которые производили съем колоколов, обещая произвести ремонтные работы летом 1926 г. В итоге ремонт растесанного проема и крыши колокольни в Свияжске был осуществлен усилиями музейного отдела[20].

Отдел протестовал против игнорирования местной комиссией по госфондам заключений музейных специалистов. Более того, ее представители зачастую бесцеремонно вторгались в компетенцию музейного отдела. Члены отдела, видя необязательность чиновников и их пренебрежение к рекомендациям музейных специалистов, вынуждены были отказываться от участия в «согласительных» совещаниях. В. В. Егерев требовал от центра предоставить четкие разъяснения местной комиссии госфонда о том, что «отдел — это тоже государственная организация, законно вызванная к жизни, а, следовательно, ее заявления и предложения по вопросам, связанным с охраной и учетом памятников старины и искусства, являются действиями, необходимыми в пределах данной ей компетенции»[21].

Однако основной причиной конфликта стала диаметрально противоположная трактовка двумя учреждениями положений Декрета СНК РСФСР от 2 марта 1924 г. о средствах по реализации госфондов немузейного значения, изъятых из музеев-дворцов, усадеб, церквей и монастырей и других памятников исторического значения[22].

В. В. Егерев настаивал, чтобы 60 % от суммы от продажи вверенного ему немузейного имущества возвращались в музейный отдел. Он также считал законным требовать от комиссии отчетные документы начиная с марта 1924 г. по реализации имущества ликвидированных культовых зданий — Свияжского Успенского монастыря (XVI в.), Благовещенского Кафедрального собора в Казани (XVI в.), Гостинодворской и Крестовоздвиженской церквей (XVII в.) — и получить установленные законодательством средства. Разъясняя свою позицию, В. В. Егерев писал: «Тормозить передачу госфондовой комиссией причитающихся нам сумм — это в наших условиях срывать весенне-летний ремонтный сезон памятников ТССР и приблизить кончину... Булгар, Кафедрального собора в Казани и Успенского монастыря в Свияжске. Средств у отдела на ремонт и реставрацию нет, надежд на отпуск единовременных ассигнований тоже нет, спецфонд находится лишь в процессе формирования и существует меньше года. Из него идет оплата личному составу отдела, которому Академический центр не платит за отсутствием средств с декабря 1925 года»[23].

Правильность позиции В. В. Егерева была подтверждена управляющим делами КомЭКОСО РСФСР по госфондам Израиловичем и управляющим отделом госфондов Шапиро, направивших в апреле 1926 г. в Татнаркомфин разъяснения, что в обязанность Таткомиссии по госфондам входит лишь наблюдение за своевременным взносом в 40 % в доход казны и целесообразностью самой реализации имущества. Было подтверждено, что причитающиеся Главнауке 60 % от сумм, вырученных от реализации фондов немузейного значения, находящихся на учете Губмузея и реализованных как музеями, так и непосредственно Таткомиссией по госфондам, согласно постановлению СНК РСФСР от 2 марта 1924 г., подлежали зачислению в специальные средства Академического центра Татнаркомпроса. Более того, было удостоверено исключительное право музейного отдела на выявление и учет немузейных фондов, подлежащих реализации из имущества, находящегося в его музейных учреждениях[24].

Однако весной 1926 г. ситуация с реализацией церковных колоколов в корне изменилась. В апреле Комцветфонд РСФСР выдал Главнауке Наркомпроса РСФСР разрешение на продажу бронзовых колоколов и колокольного лома, находящихся в учреждениях и церковных зданиях и состоящих в его ведении[25].

В мае 1926 г. Главнаука предписала губмузеям в двухнедельный срок представить сведения о колоколах и колокольном ломе, не имеющих историко-художественного значения. Изъятия предлагалось осуществлять без повреждения церковных зданий, находящихся на государственной охране, и без нару-

EV_1_08.indb 81 13.05.2008 12:20:26

Разбор церкви Николы Тульского. 1930-е гг. Из личного архива автора.

шения историко-художественного облика памятников[26].

29 декабря 1926 г. Главнаука издала постановление «О ликвидации колоколов», в котором констатировалась тревожная ситуация с ликвидацией колоколов в церквах и монастырях, состоящих в ведении и на учете Главнауки Наркомпроса РСФСР, принявшей бесконтрольный и разрушительный характер. В документе отмечались факты повреждения колоколен и случаи продажи колоколов, имеющих историческое значение.

Повсеместное изъятие колоколов учреждениями, не имевшими прямого отношения к наркомпросу и не обладавшими соответствующим разрешением Главнауки, потребовало принятия запретительных мер. Заведующим губернскими, областными музеями и иными учреждениями наркомпроса предписывалось «ни в каком случае не допускать таких ликвидаций» и срочно сообщать обо всех случаях самовольной съемки и реализации колоколов, впредь не допуская «самоуправных действий»[27].

По нашему мнению, это явно запоздалое и непоследовательное постановление было принято в целях контроля над средствами, вырученными от реализации колокольной бронзы. Не случайно уже через месяц, 29 января 1927 г., между Главнаукой Наркомпроса РСФСР и Рудметаллторгом в лице управляющего московской конторой В. М. Савицкого был заключен договор сроком на один год на продажу Главнаукой колокольной бронзы в количестве 130 тонн.

Продажная цена на колокола, находящиеся в помещениях и складах Главнауки, была установлена в 519 руб. за тонну, на колокола на колокольнях — в 427 руб. за тонну. Оговаривалось, что если один бронзовый колокол, находящийся на колокольне, будет весить более 5 тонн, то по означенной цене в 427 руб. оплачивается лишь 5 тонн, а вес свыше — по 366 руб. за тонну[28]. Снятие колоколов, в соответствии с договором, должно было осуществляться силами Рудметаллторга. Повреждения, причиненные зданиям при снятии колоколов, должны были исправляться за счет средств Рудметаллторга и под наблюдением Главнауки, но на практике этот пункт повсеместно игнорировался.

EV_1_08.indb 82 13.05.2008 12:20:26

В случае если Главнаукой до составления приемо-сдаточного акта поднимался вопрос об историко-художественном значении колокола, то на подготовку соответствующего заключения или для уточнения сведений выделялся один месяц. При этом по истечении месячного срока и при отсутствии заключения Главнауки Рудметаллторг имел право считать колокол не имеющим историко-художественной ценности и подлежащим ликвидации.

Подписанный договор, по сути, официально оформил развернувшуюся в 1927 г. вакханалию разрушений культовых памятников, перечеркнув усилия местных органов охраны памятников по спасению церковных ценностей и колоколов, замечательных образцов национального искусства. Уже 31 января 1927 г. Главнаука потребовала предоставить в двухнедельный срок от подведомственных музейных учреждений «самые точные сведения» обо всех колоколах (целых и в кусках), не имеющих историко-художественной ценности. Губмузеи должны были сообщить данные о количестве и местонахождении колоколов, а также вес каждого в отдельности. В том случае если бы колокола были переданы, требовалось проинформировать госфондовую комиссию Главнауки о том, «кем, кому, в каком количестве и весе, за какую цену и куда внесены деньги»[29].

Через месяц, 9 февраля 1927 г., Главнаука и управление делами КомЭКОСО по госфондам совместно уведомили музейные учреждения и местные госфондовые комиссии о заключенном договоре и потребовали от них всю «колокольную бронзу сдавать только Рудметаллторгу по нарядам Главнауки»[30].

30 марта 1927 г. Главнаука издала инструкцию «О ликвидации колоколов, не имеющих историко-художественного значения», в которой, обращаясь к музейным учреждениям, попыталась придать правительственной «антиколокольной» кампании некие методологические принципы и систему классификации. Так, в соответствии с документом подлежали ликвидации все колокола XIX-XX вв., кроме тех, которые обладали «совершенно исключительными деталями».

Отметим, что по инструкции Главнауки «По осуществлению надзора за ремонтно-реставрационными работами по церковным зданиям и находящимся в них предметам историко-художественного назначения» от 3 августа 1923 г. местным музейным учреждениям разрешалась переливка колоколов не старше XIX в.[31]

В соответствии с новой инструкцией из колоколов XVIII в. могли быть сохранены лишь снабженные «особыми украшениями, надписями, если связаны в хронологическом отношении с местом нахождения, а сами колокольни обладали значительной историко-художественной ценностью или особым историческим значением». Колокола XVII в. и более раннего периода отливки подлежали обязательному сохранению как древние исторические памятники.

Составители инструкции обращали внимание на необходимость бережного отношения при снятии колоколов к старинным звонницам, имевшим самостоятельную историко-художественную ценность. Особое внимание должно было быть уделено старинным колокольням музейных монастырей «подлежащих сохранению в целом в качестве историко-художественных и бытовых групповых памятников». Предлагалось в отдельных случаях воздерживаться от изъятия поздних колоколов, не обладающих самостоятельной ценностью, но являющихся существенным элементом характерного облика колокольни, либо заменять колокола нового времени на старинных звонницах древними колоколами со зданий, не представляющих особой ценности.

Главнаука требовала от подведомственных учреждений при всех изъятиях составлять описания ликвидируемых колоколов с указанием размера, веса, текста надписей, орнамента, отдельных изображений[32]. Однако к моменту выхода инструкции мнение местных органов охраны памятников перестало играть какую-либо роль для государственных органов и ведомств, осуществлявших эту кампанию[33].

Положение обострилось после провозглашенного в декабре 1927 г. XV съездом ВКП(б) курса на индустриализа-

EV_1_08.indb 83 13.05.2008 12:20:26

Разбор здания Боголюбской церкви. 1930-е гг. Из личного архива автора.

цию страны. В области тяжелой индустрии особое внимание было обращено на развитие черной и цветной металлургии. При этом подразумевалось, что одним из источников поступления цветных металлов должны стать колокола. В этот период необыкновенную популярность приобрел лозунг: «Колокола — в фонд индустриализации страны!»[34].

В 1927-1928 гг., в связи с прекращением экспорта и укреплением отечественной металлургии, в СССР возник дефицит цветных металлов. В условиях складывающихся рыночных отношений промышленные предприятия предпочитали скрывать лом, так как не были заинтересованы в безвозмездной передаче сырья Комиссии по созданию специального фонда по финансированию металлургии цветных металлов. Данная ситуация привела к предоставлению Рудметаллторгу исключительных прав на сбор лома. Одновременно металлургическим предприятиям страны было запрещено заниматься подобной деятельностью. Вскоре и сам Комцветфонд был упразднен. Это решение совпало с отказом от политики нэпа и переходом к жесткой централизованной системе управления экономикой[35].

В течение 1926-1929 гг. представители музейного отдела Академического центра Татнаркомпроса пытались добиться перечисления на спецсчет отдела средств от реализации колоколов и госфондов немузейного значения ликвидированных в республике церквей, стоявших на учете музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР. Летом 1927 г. В. В. Егерев потребовал от управления неналоговыми доходами передачи отчислений от реализации 40 колоколов, снятых и проданных республиканской госфондовой комиссией весной 1926 г.[36]

Однако основная борьба развернулась вокруг 13 колоколов Казанского Кафедрального собора. Вес самых больших из них «Ивана Большого» (1865 г.) и «Самсона Воскресного» (1865 г.) составлял 1 575 и 800 пудов соответственно[37]. В апреле 1927 г. Особая часть Комиссии по госфондам Татнаркомфина разреши-

EV_1_08.indb 84 13.05.2008 12:20:26

ла местному представительству Рудметаллторга начать подготовку к снятию колоколов, уведомив об этом и музейный отдел.

В. В. Егерев срочно отправил в Москву телеграмму следующего содержания: «Отдел охраны памятников Татреспублики переживает денежный кризис. Реставрационно-ремонтные работы приостанавливаются, но правительство Татарии требует срочного окончания их. Просим срочно перевести отделу аванс за проданные и снятые соборные колокола. Снято Рудметалторгом свыше 3 000 пудов металла. В случае замедления высылки аванса вывоз металла будет приостановлен. Отдел удивлен продажей колоколов без его ведома. Дальнейший расчет просим согласовать с нами»[38].

Главнаука 24 мая 1927 г. настаивала не препятствовать сдаче колоколов бывшего Кафедрального собора, ссылаясь на централизованный договор с Рудметаллторгом. Помощник начальника Главнауки М. Кристи заверил В. В. Егерева в том, что «по получении Главнаукой платы от Рудметаллторга за принятые им колокола быв[шего] Кафедрального собора Вам будет выделено 60 % от проданной суммы»[39].

По категорическому требованию Наркомфина РСФСР при согласии СНК Татарской республики 21 июля 1927 г. ученым секретарем музейного отдела П. Е. Корниловым были сданы представителям Рудметаллторга 43 728 кг колокольной бронзы и 4 317 кг железа ликвидируемого собора[40]. По оценкам специалистов, от реализации кафедральных колоколов музейному отделу должны были перечислить около 2 500 рублей.

Однако, несмотря на поддержку президиума Академического центра Татнаркомпроса и многочисленные обращения в Москву, вопрос о перечислении вырученных средств не был разрешен и два года спустя, в первую очередь из-за затянувшегося спора между Главнаукой и Госпромцветметом о праве реализации колокольной бронзы[41].

В связи с ужесточением антирелигиозной кампании в марте 1929 г. Главнаука приняла распоряжение о дополнительной сдаче изделий из цветного металла, предписывающее сохранение в музеях только «самых исключительных и уникальных» образцов. Все остальные колокола требовалось сдать с предварительной фиксацией. Более того, в феврале 1930 г. Главнаука дала новое указание, что колокола нельзя рассматривать «как неотъемлемую часть сооружения», музейному сохранению подлежат лишь отдельные «действительно уникальные экземпляры древнего происхождения,.. преимущественно объекты меньших размеров». Отменялся также принцип сохранения цельного ансамбля колоколен как памятников архитектуры[42].

Особое совещание при музейном отделе Академического центра Татнаркомпроса 13 апреля 1930 г. в составе председателя Татарского республиканского совета Союза воинствующих безбожников (СВБ) М. Хузеева, заместителя председателя Академического центра Татнаркомпроса Надеева, В. В. Егерева и П. Е. Корнилова вынесло решение о сдаче Рудметаллторгу колоколов общим весом до 400 пудов, ранее стоявших на учете музейного отдела, оставив на госохране лишь два небольших колокола, «имеющие большое местное историческое значение»[43] (первый — из Спасского монастыря г. Казани, весом около 40 пудов, был отлит в 1580 г., второй — с колокольни Успенского собора с. Свияжск, весом 30 пудов, был отлит в 1551 г.[44]).

Алчность сборщиков доходила до абсурда. Их интерес вызвали даже чугунные плиты паперти Успенского собора. П. Е. Корнилов на особом совещании был вынужден объяснять очевидную нелепость предложения о разборке паперти, так как это привело бы к значительным разрушениям конструкции храма, а «сохранность сводов в нижних частях памятника — залог сохранности всего редкого здания постройки XVI века, находящегося под государственной охраной»[45].

В декабре 1929 г. президиум Татарского республиканского совета СВБ выступил с инициативой проведения кампании по снятию колоколов с действующих церквей. Общее руководство было возложено на орготдел и методи-

EV_1_08.indb 85 13.05.2008 12:20:26

ческое бюро СВБ, которым поручалось составление четкого плана проведения кампании. Подготовительную работу планировалось закончить к 10 декабря 1929 г., а саму акцию завершить к 5 января 1930 г.[46]

Особое внимание придавалось пропагандистско-разъяснительной работе на местах. С этой целью методическое бюро подготовило типовые тезисы доклада об общественно-политической значимости предстоящей акции, в основу которых был положен агитационный материал из работы П. В. Гидулянова «Церковные колокола на службе магии и царизма»[47]. Оптимальным решением в отношении уникальных памятников литейного искусства, по мнению этого бывшего профессора церковной истории, стал бы «вывоз их за границу и продажа их там наравне с другими предметами роскоши, искусства и т. д.». Весь остальной колокольный металл должен был быть направлен на переплавку для выработки химически чистой красной меди, которая была бы использована «на электрификацию, производство тракторов и т. д.»[48].

Членам президиума Татарского республиканского СВБ Федоровичу, Хомякову и Ахмерову поручалось развернуть на страницах республиканских газет «Красная Татария», «Новая деревня», «Кызыл Татарстан», «Динсезләр» массовый «поход» за снятие церковных колоколов. Коллегия агитпропотдела Татарского обкома ВКП(б) согласилась с предложением президиума СВБ о конфискации и обязала канткомы и райкомы оказывать помощь в проведении кампании[49].

Республиканский совет СВБ обратился к своим низовым организациям с разъяснением общей стратегии, направленной на развертывание широкомасштабной акции «по прекращению колокольного звона». Местным ячейкам СВБ было рекомендовано при проведении агитации не увлекаться общими фразами о «вредности религиозного дурмана», а последовательно связать проведение кампании с вопросами экономическо-хозяйственной необходимости, потребностями сельского хозяйства, социалистического строительства, индустриализации и реализации пятилетки.

Совет потребовал в местах, где «уже закрыты церкви, но еще не сняты колокола, приступить прямо к реализации всех колоколов, имеющихся в этих церквах». Там, где храмы еще действовали, от членов СВБ требовалось провести подготовительную разъяснительную работу и добиться «снятия больших колоколов, оставляя минимум». Все проблемы хозяйственного характера, связанные со снятием колоколов, в том числе и вопросы расходов на кампанию, должны были быть заранее рассмотрены местными исполнительными органами, обязавшимися оказывать «всякое содействие»[50].

Под лозунгами «Колокольную медь на тракторы!», «Долой колокола!», «Колокола — на металл для заводов!», «Снять колокола в рабочих районах!», «Что нужнее, колокол или трактор?» среди населения была проведена масштабная агитационная работа. На заводах и фабриках, на сельских сходах, инспирируемые партийными и советскими органами, организовывались митинги и собрания, на которых рабочие и крестьяне «единодушно» подписывали обращения в поддержку кампании.

Одними из первых инициативу СВБ подхватили рабочие завода им. М. Вахитова, призвавшие пролетариев всех казанских предприятий выступить за переплавку колоколов на тракторы не только с закрытых церквей, но и с части действующих храмов. Корреспондент В. Раков на страницах «Красной Татарии» с пафосом обосновывал особый смысл этого почина: «Предложение группы рабочих — это дерзость не разрушителей, а созидателей. Дерзость рабочих — это не поповское благословение разрушения во имя разрушения, а исторически оправданный шаг гегемона, претворяющего старый, отмирающий мир в новый, грядущий…»[51].

Вслед за вахитовцами с подготовленными «под копирку» обращениями к правительству ТАССР выступили рабочие заводов «Красный путь», «Красный Восток», «Светоч», «Хөррият», «Красный молот», «Вулкан», спиртоводочно-

EV_1_08.indb 86 13.05.2008 12:20:26

го, меховой фабрики, фабрики «Алга» и других предприятий республики[52].

В республиканской прессе регулярно публиковались мнения крестьян-передовиков. Например, батрак с. Кулаева Леухин рассуждал: «…для чего висят такие громадные деньги, почему бы их не передать на нужды деревни, и вот, когда я услыхал, что рабочие подняли вопрос о передаче колоколов на трактора, я очень обрадовался. По-моему, надо снять не часть колоколов, а все»[53].

В этих условиях мнение религиозных общин, использовавших здания храмов в соответствии с арендным договором, практически игнорировалось. В марте 1930 г. представители общины Петропавловского собора обратились с заявлением в НКВД республики, сообщив, что сотрудники Рудметаллторга разбили, сняли и вывезли все колокола, повредив при этом пролеты колокольни. Кроме того, был разобран и увезен механизм башенных часов.

Однако эта и подобные ей другие жалобы верующих оставлялись органами внутренних дел без внимания. В итоге религиозная община Петропавловского собора от дальнейшего пользования колокольней (с 15 февраля 1930 г.) была вынуждена отказаться.

Очередной виток «антиколокольной» кампании пришелся на конец 1930 г. 22 ноября бюро обкома ВКП(б) в соответствии с письмом СНК РСФСР рассмотрело вопрос о снятии церковных колоколов в городах республики и приняло решение завершить этот процесс в декабре[54]. В конце 1930 г. был проведен рейд по выявлению из музейных фондов цветного металла на переплавку. Музейщики также проводили работу по выявлению железного лома, чугунных решеток, находившихся на складах отдела.

Особая комиссия музейщиков работала на кладбищах, где сотрудники Рудметаллторга собирали металлические ограды, памятники и кресты «не имеющие присмотра». Музейный отдел составил список памятников, не подлежащих уничтожению. В него был включен, например, памятник на могиле математика Н. И. Лобачевского (чугунное литье) и некоторые другие.

Целый ряд памятников монументального искусства в Казани был утрачен в начале 1930-х гг. Так, по постановлению наркомпроса республики 26-27 марта 1930 г. был разрушен памятник Г. Р. Державину, возведенный по проекту академика К. А. Тона, с барельефами скульптора С. И. Гальберга.

В начале 1930-х гг. продолжились масштабные конфискации колоколов. В этой связи серьезную озабоченность Комиссии по делам культов при президиуме ВЦИК вызвали многочисленные факты бесконтрольных изъятий и реализации колоколов местными советскими и хозяйственными органами для решения собственных финансовых нужд. Идеологов атеистической политики волновала не проблема сохранения памятников, а отсутствие четкой схемы конфискаций: местные органы вопреки нормам закона допускали изъятие колоколов бесплановo и до решения президиумов край- и облисполкомов. В результате «колокола, этот ценнейший вид металла, вместо зачисления в госфонд и передачи Металлому, нередко использовались местными органами по своему усмотрению»[55].

26 мая 1933 г. на состоявшемся секретном заседании комиссии по делам культов с участием идеологов СВБ, представителей наркомфина, треста Металлома был определен порядок заготовок колокольной бронзы. Местным культовым комиссиям было разрешено «передавать через особые части по госфондам Металлому согласно его плану исполнения постановления Совета труда и обороны от 14 мая сего года о заготовке колокольной бронзы в количестве 6 300 тонн в 1933 году, и в частности о заготовке во II квартале 2 300 тонн (из общего количества), [из] колоколов молитвенных зданий в местностях, где воспрещен колокольный звон»[56].

В соответствии с разосланным комиссией по делам культов в июне того же года циркуляром № 2 «По вопросу регулирования колокольного звона и снятия колоколов с тех молитвенных зданий, где колокольный звон прекращен» решение о запрете звона переходило в компетенцию горсоветов и РИКов, которые могли «таковой ограничивать

EV_1_08.indb 87 13.05.2008 12:20:27

или запрещать с последующим утверждением через культовые комиссии президиумами ЦИКов АССР, крайисполкомов и облисполкомов»[57].

Культкомиссиям предписывалось в месячный срок учесть вес и количество колоколов и предоставить сведения о городах, где колокольный звон был запрещен. При учете колокольной бронзы надлежало выделить в отдельный список, по согласованию с музейными органами, колокола особого тонального звучания, а также колокола малого веса (до 16 кг), которые предполагалось использовать в качестве сигнальных в пожарных командах и в сельской местности. Циркуляр требовал от культкомиссий передачи «металлолома» в соответствии с планом о заготовке колокольной бронзы[58]. Таким образом, судьба оставшихся церковных колоколов была предрешена. Местные органы власти для выполнения разверстки получили карт-бланш на инициирование запрещения колокольного звона и тем самым на окончательную легализацию изъятия колоколов, находившихся в действующих храмах. К середине 1933 г. областные и городские исполнительные комитеты, заслушав доклады культкомиссий, приняли решение о запрещении колокольного звона и передаче церковных колоколов.

В Татарской республике мероприятия по регулированию колокольного звона не приобрели такого массового характера, как в других регионах России. К середине 1930-х гг. большинство колоколов уже оказались изъятыми. К сожалению, нами не выявлено полных данных об объемах снятых и отправленных на переплавку колоколов за весь период «антиколокольной» кампании. Имеющиеся материалы позволяют иллюстрировать ситуацию на рубеже 1920-1930-х гг.

Так, по материалам прессы в период с 1 октября по 20 декабря 1929 г. в Татарское представительство Рудметаллторга поступило 50 тонн металла[59]. В целом за 1930 г. в тракторном фонде в результате массовой сдачи колоколов было собрано более 10 тысяч пудов меди[60]. По данным председателя Академцентра и по совместительству руководителя музейного отдела Татнаркомпроса С. С. Атнагулова, к началу 1931 г. из храмов, находящихся в ведении отдела, было сдано около 180 тонн колокольной бронзы и 4 317 кг железа[61]. В отчете СВБ на 1 марта 1930 г. в республике от снятия колоколов было собрано медного лома — 48 493 пуда[62], т. е. более 775 тонн*.

В 1920-х — 1930-х гг. в результате «антиколокольной» кампании был нанесен невосполнимый ущерб памятникам русского литейного искусства. А это значит, что пострадала важная составная часть церковного культурного наследия. В результате государственной антирелигиозной политики, направленной на ликвидацию конфессиональных институтов, церковные ценности под предлогом экономической необходимости подверглись варварской экспроприации, в том числе уничтожались и переплавлялись колокола православных храмов, а также памятники монументального искусства.

* Последние цифры вызывают некоторые сомнения в их достоверности. Отметим, что по весьма приблизительным подсчетам П. В. Гидулянова ориентировочный вес колоколов в бывшей Казанской епархии составлял 25 тысяч пудов (см.: Гидулянов П. В. Церковные колокола на службе магии и царизма. – М., 1929. – С. 62).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 79. – Ст. 762.
2. Козлов А. А. Правовое регулирование охраны памятников истории и культуры в 1917-1941 гг. Дис. … канд. юр. наук. – М., 1990. – С. 111.
3. НА РТ, ф. Р-271, оп. 1, д. 163, л. 131, 136-136 об.; д. 162, л. 18 об.
4. Там же, д. 48, л. 164.
5. Там же, ф. Р-128. оп. 1, д. 388, л. 155.
6. Козлов В. Ф. Гибель церковных колоколов в 1920 – 1930-е годы // Отечество. Краеведческий альманах. –1994. – Вып. 5. – С. 143-161.
7. Хазанов Л. Как в 1920-х годах «цветной» лом собирали // Металлоснабжение и сбыт. – 2006. – № 11. – С. 140.
8. Собрание законов СССР. – 1925. – № 58. – Ст. 441.
9. НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 955, л. 10.

EV_1_08.indb 88 13.05.2008 12:20:27

10. Известия ВЦИК. – 1925. – № 87. – 16 апреля.
11. НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 1370, л. 22.
12. Там же, д. 963, л. 15.
13. Там же, д. 966, л. 1.
14. Там же, д. 711, л. 42.
15. Там же.
16. Там же, д. 955, л. 15.
17. Там же, д. 714, л. 104.
18. Архив Института истории материальной культуры РАН, ф. 1 (1925), д. 32, л. 83; НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 1183, л. 153.
19. НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 959, л. 54.
20. Там же, д. 1183, л. 153.
21. Там же, д. 955, л. 15.
22. Там же, л. 10.
23. Там же, л. 14-15.
24. Там же, л. 16.
25. Там же, д. 1377, л. 1.
26. Еженедельник НКП РСФСР. – 1926. – № 18. – Ст. 410; Галай Ю. Г. Власть и историко-культурные ценности в Российской Федерации. 1917-1929 гг. Историко-правовой аспект. – Н. Новгород, 1997. – С. 194.
27. Еженедельник НКП РСФСР. – 1927. – № 1. – Ст. 29; НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 1370, л. 20.
28. НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 1377, л. 1.
29. Еженедельник НКП РСФСР. – 1927. – № 8. – Ст. 110; НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 1370, л. 18.
30. Еженедельник НКП РСФСР. – 1927. – № 8. – Ст. 172; НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 1370, л. 17.
31. НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 491, л. 2-6.
32. Еженедельник НКП РСФСР. – 1927. – № 16. – Ст. 396; НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 1370, л. 15.
33. Галай Ю. Г. Нормативные акты об охране колоколов и их практическая реализация в Нижегородской губернии // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов III региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья. – Н. Новгород, 1992. – С. 89.
34. Виденеева А. Е. К истории уничтожения ростовских колоколов // Колокола и колокольни Ростова Великого. Сообщения Ростовского музея. – Ярославль, 1995. – Вып. VII. – С. 157.
35. Хазанов Л. Указ. соч. – С. 140.
36. НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 1377, л. 11.
37. Там же, л. 12.
38. Там же, л. 8.
39. Там же, л. 18.
40. НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 1542, л. 152; д. 1377, л. 25.
41. Там же, д. 1502, л. 29; д. 1377, л. 29.
42. Бюллетень НКП РСФСР. – 1930. – № 6. – Ст. 181.
43. НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 1537, л. 304.
44. Там же, л. 298.
45. Там же, л. 302 об.
46. Там же, ф. Р-5263, оп. 1, д. 29, л. 104.
47. Там же, л. 78-79.
48. Гидулянов П. В. Церковные колокола на службе магии и царизма. – М., 1929. – С. 75.
49. Набиев Р. А. У истоков массового атеизма. Из опыта атеистической работы партийной организации Татарии в период строительства социализма (1917-1937 гг.). – Казань, 1984. – С. 159.
50. НА РТ, ф. Р-5263, оп. 1, д. 29, л. 77.
51. Красная Татария. – 1929. – 5 декабря.
52. Там же. – 13 декабря; 1930. – 4, 5 января; Новая деревня. – 1930. – 16, 22, 26 января и др.
53. Новая деревня. – 1929. – 12 декабря.
54. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 786, л. 84.
55. НА РТ, ф. Р-732, оп. 6, д. 88, л. 22.
56. Козлов В. Ф. Гибель церковных колоколов... – С. 143-161.
57. НА РТ, ф. Р-732, оп. 6, д. 88, л. 22.
58. Там же.
59. Красная Татария. – 1929. – 26 декабря.
60. НА РТ, ф. Р-5363, оп. 1, д. 29, л. 107; Набиев Р. А. Указ. соч. – С. 175.
61. НА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 1691, л. 9.
62. Там же, ф. Р-5363, оп. 1, д. 46, л. 34 об.

Фото на с. 77: Разрушение колоколов Троицко-Сергиевой Лавры. Загорск, 1930. Наше наследие. – 1990. – №1. – С. 71.

Рамиль Хайрутдинов,
кандидат исторических наук

EV_1_08.indb 89 13.05.2008 12:20:27